

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ БАСЕЙНА ЯПОНСКОГО МОРЯ

Формирование неолитических культур традиционно относится к кругу наиболее актуальных вопросов в археологии бассейна Японского моря. Открытие последних лет существенно расширили источниковую базу данной проблематики и открыли новые перспективные направления поиска. Одно из них связано с анализом распространения в регионе отжимной технологии получения пластин, которая, как известно, разделила всю территорию Восточной Сибири, когда-то единую с точки зрения принципов расщепления камня, на два обособленных ареала. На севере Дальнего Востока и Восточной Сибири закрепились и получила дальнейшее развитие отжимная индустрия, а на юге — в бассейне Японского моря — совершенно другая, основанная на технике отщепа в сочетании с бифасиальной обработкой и шлифованием [Кузнецов 2006]. Территориальное обособление двух отмеченных технологий было сложным и длительным процессом, отражением чего является их сосуществование в бассейне Японского моря на протяжении всего периода раннего голоцена. При этом характер распространения памятников вполне определенно свидетельствует о том, что границы пластинчатой и бифасиальной индустрий, были очень подвижными, ареалы их переплетались, и в этом пока не улавливается какой-либо порядок [Кузнецов 2006; Табаров 2006].

В настоящем сообщении вниманию специалистов будут предложены некоторые наблюдения относительно особенностей культурных процессов в раннем голоцене бассейна Японского моря, которые следуют из общего анализа памятников с пластинчатой индустрией, основанной на технике усиленного отжима пластин.

Во-первых, распространение такой индустрии в бассейне Японского моря обнаруживает определенную направленность во времени и пространстве. Начала она появляться на Среднем Амуре, где с ней связывают памятники Ново-петровской культуры с датировками в пределах 10 и 8 тыс. С<sup>14</sup> л.н. [Кузьмин 2005; Нестеров и др. 2008]. Затем эта техника оказывается на Нижнем Амуре — в памятниках мариинской культуры, датировки которых попадают в интервал между 9 и 7 тыс. С<sup>14</sup> л.н. [Медведев 2005]. Примерно в то же время следы техники усиленного отжима появляются и на Сахалине в комплексах, относимых к раннему неолиту, рубежом их появления считаются С<sup>14</sup> датировки ст. Стародубское-3, Поречье-4 и др. [Василевский 2003, 2005]. В последующем эта техника распространяется в Приморье и на Хоккайдо. В Приморье она проявляется в памятниках веткинской культуры, локализованной широкой полосой от оз. Ханка до восточного побережья Приморья, а на Хоккайдо — в памятниках культуры пластинчатых наконечников, датировки этого процесса попадают в интервал между 7 и 6 тыс. С<sup>14</sup> л.н. [Попов 2006; Yamahara 2007]. Следы этой техники в данный отрезок времени просматриваются и в ряде памятников Нижнего Амура, однако большинство комплексов здесь не отличаются стратиграфической и планиграфической расчлененностью, что исключает в данном случае возможность опираться на их материалы.

Во-вторых, обстоятельства появления пластинчатой техники в бассейне Амура говорят о том, что скорее всего это было связано не с заимствованием, а с переселением сюда ее носителей. На это указывают отсутствие очевидной преемственности в традициях камнеобработки, жилищной архитектуры и керамической технологии между последними и представителями предшествующих культур — осиповской и граматухинской. Об этом же свидетельствует и полное угасание этих двух культур к моменту появления пластинчатой технологии. Соглашается с этим и тот факт, что этот процесс вообще сопровождался резким снижением числа памятников в бассейне Амура. Две группы населения, с которыми было связано проникновение сюда пластинчатой технологии, очевидно, развивались независимо друг от друга, на что указывает отдаленность их ареалов, некоторые различия в самих индустриях, а также принципиальные различия их керамических комплексов. В определенной степени подтверждается это и различиями в последующей судьбе керамических традиций неолитических культур на территории Приамурья и Приморья — руднинской-кондонской и бойсманской. Первая составляла один круг с маринской, технологическая и орнаментальная традиции их очень близки, хотя и различаются в нюансах, вторая сформировалась под воздействием нескольких импульсов, и одним из них стала культура ананси Северо-Восточного Китая, аналогичная новопетровской.

В-третьих, обстоятельства появления пластинчатой техники на Сахалине отличаются существенно от тех, что сопровождали этот процесс на Амуре. Здесь не наблюдается сокращение числа памятников, а даже наоборот, есть некоторое их увеличение, здесь не исчезают предшествующие культуры, что проявляется в сосуществовании пластинчатой, микропластинчатой и бифасиальной традиций и в одновременном формировании на их основе синкретичных комплексов. Такая ситуация, по-видимому, указывает на несколько иную, по сравнению с бассейном Амура, модель проникновения пластинчатой индустрии на Сахалин. Возможно, мы имеем здесь дело со взаимопроникновением двух различных культурных контекстов, местного и пришлого, связанного с новой технологии обработки камня. Можно также предположить, что последняя проникла на Сахалин не со стороны Нижнего Амура, а из Якутии. Именно такой вывод напрашивается из анализа керамических комплексов. В это время керамическая посуда на Сахалине только появляется, она отличается от нижеамурской и по технологии, и по морфологии, представляя самостоятельную традицию (см.: [Грищенко 2007; 2008; Василевский 2003; 2005]). Впрочем, нельзя не допустить, что распространение керамических технологий и технологий камнеобработки могло идти различными путями.

На отсутствие постоянных культурных связей между Нижним Амуром и Сахалином в раннем голоцене в определенной степени указывает также и то обстоятельство, что таковые, по-видимому, отсутствовали и ранее, во времена существования осиповской культуры, и это несмотря на то, что тогда Сахалин был соединен с материком сухопутным мостом. Показательно в этом отношении, например, отсутствие в памятниках Нижнего Амура хоккайдского обсидиана, регулярный обмен которым объединял в тот период Сахалин и Хоккайдо [Табарев 2004; Попов и др.2006], или, например, полное отсутствие следов осиповской культуры на Сахалине. Последнее тем более удивительно, что осиповская культура была в те времена источником передовых технологий (шлифо-

ванные топоры и стрелы, керамика, сетевое рыболовство, развитая бифасиальная индустрия), которые очень широко распространились и вверх по Амуру, и на территории Японского архипелага (почему-то не вовлеченным в этот процесс оказался Сахалин).

В-четвертых, пластинчатая индустрия на Хоккайдо появляется в период, когда на всей территории бассейна Японского моря существовали уже полностью сложившиеся культуры неолита, в том числе и культура дземон на Японском архипелаге. Японские специалисты объединяют памятники с пластинчатой техникой в рамках культуры пластинчатых наконечников, четко локализованной на северо-востоке острова [Kimura 1999], и считают, что она стала следствием колонизации острова выходцами с материка.

Как показывают материалы, до появления пластинчатой технологии о. Хоккайдо был занят племенами, в среде которых шло становление культуры дземон, полностью отличной как по своим керамическим традициям, так и по традициям камнеобработки от культуры пластинчатых наконечников. Культура дземон была очень развитой и эффективной, но ее носители уступили большую часть острова [Боднев 2001; Yamahara 2007; Шевкомуд 2006]. Для этого должны были бы существовать веские причины, экологические или социальные, причем последние более вероятны, т.к. данные о каких-либо катастрофических изменениях в ландшафтах, среде и климате для того периода времени для Хоккайдо отсутствуют. По-видимому, идея колонизации острова действительно имеет под собой веские основания.

Не менее любопытна ситуация с керамикой, сопровождающей пластинчатую индустрию. Она резко отличалась от дземонской и имела несколько общих признаков: плоское дно, примесь травы в тесте и характерные следы от заглаживания стенок сосудов гребенчатым инструментом. Орнамент варьировал от памятника к памятнику, но общей его чертой была локализация узора узкой полосой в верхней части тулова сосудов, сразу под венчиком. Благодаря недавним исследованиям удалось установить, что отдельные показатели этой керамики восходят к осиповской гончарной технологии [Яншина 1996]. На фоне этих наблюдений становится очевидным пережиточный характер керамической технологии культуры пластинчатых наконечников. И опять же это происходит в условиях, когда по соседству — у носителей культуры дземон — уже вовсю развивались гораздо более прогрессивные техники создания керамической посуды.

Еще одна интересная линия аналогий рассматриваемой керамики связана с орнаментацией посуды [Kimura 1999]. И общий принцип построения узора в виде бордюра в приустьеовой части, и горизонтально-линейный принцип расположения элементов декора, и использование фигурного штампа для его нанесения перекликаются с керамической традицией руднинско-кондонских комплексов раннего неолита Приморья и Приамурья, а также с примыкающей к ним мариинской культурой. Сочетание в керамической традиции культуры пластинчатых наконечников технологических признаков осиповского гончарства и орнаментальных руднинско-кондонских стереотипов, разделенных между собой тысячелетиями, конечно, вызывает большой интерес.

Для принятия идеи колонизации части Хоккайдо есть, однако, одно непреодолимое пока препятствие. Оно состоит в том, что за пределами Хоккайдо пока

не определяется синхронный или чуть более ранний культурный контекст, с которым можно было бы связать исход культуры пластинчатых наконечников или хотя бы импульс к ее формированию. Обычно в данном вопросе взгляды исследователей обращены на Сахалин, однако система доказательств такого положения вещей отсутствует. Сама по себе пластинчатая индустрия не исследована настолько, чтобы на ее основании провести мостик между культурой пластинчатых наконечников Хоккайдо и Сахалином, а керамическая традиция явно имеет параллели в материковых культурах Дальнего Востока. И в этом отношении отсутствие таковых в сахалинской керамике очень интригует и нуждается в объяснении.

В заключение хотелось бы отметить, что приведенные в публикации наблюдения имеют предварительный характер, но они открывают перспективы для дальнейшей разработки проблем культурогенеза в раннем голоцене в бассейне Японского моря.

### Библиография

*Боднев И.А.* Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001. С. 11–41.

*Василевский А.А.* Каменный век острова Сахалин: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2003.

*Василевский А.А.* Поздний палеолит Сахалина. 33000–11000 л.н. // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 86–116.

*Грищенко С.В.* Спасательные раскопки прибрежной хозяйственной зоны раннего неолита на ст. Пугачево–1 (о. Сахалин) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. С. 179–186.

*Грищенко С.В.* Археологические исследования на поселении Чайво–6, пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области // Уч. Зап. СахГУ. Южно-Сахалинск, 2008. Вып. 7. С. 26–37.

*Грищенко С.В.* Итоги первого сезона раскопок ранненеолитической стоянки Славная-5 // Сахалин и Курилы. Южно-Сахалинск, 2008. С. 288–296.

*Кузнецов А.М.* Неолит пластинчатой традиции в каменном веке Дальнего Востока // Archaeological Elucidation of the Japanese Fundamental Culture in East Asia. 21 COE Program Archaeology Series. Kokugakuin University. 2006. Vol. 7. P. 77–84.

*Кузьмин Я.В.* Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005.

*Медведев В.Е.* Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 234–267.

*Медведев В.Е.* О культурогенезе в эпоху неолита в Нижнем Приамурье // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 288–291.

*Нестеров С.П., Наумченко Б.В., Кузьмин Я.В., Канг Чан Хва, О Еи Сук, Имамура М., Сакамото М.* Новопетровка-4 – новый памятник новопетровской культуры на Амуре // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2008. С. 54–61.

*Попов А.А.* Средний неолит Приморья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 302–304.

*Попов В.К., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я., Гребенников А.В., Гласкок М.Д., Зайцев Н.Н., Петров В.Г., Наумченко Б.В., Конопацкий А.К.* Obsidian in archaeological monuments of the Middle and Lower Amur: geochemical composition and sources // Пятые Гродовские чтения. Хабаровск, 2006. С. 99–109.

*Табарев А.В.* Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2004.

*Табарев А.В.* Пластинчатые традиции в неолите Приморья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 314–317.

*Шевкомуд И.Я.* Древнейший неолит Хоккайдо (по материалам памятника Тайсо-3) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 324–330.

*Янишина О.В.* Керамика ст. Янкито-1 (о. Итуруп) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 337–340.

*Kimura H.* (ed.). The blade arrowhead cultures over northeast Asia // Archaeological Series. 1999. 6. The Sapporo University.

*Yamahara T.* Hokkaido toubu niokeru Koshin-sei/Kanshin-sei ikouki no sekki bunka (The lithic cultures from the Pleistocen to Holocen period in the earsten Hokkaido // Jomon bunka no seiritsu Sosouki kara Soki he. The Tokyo University. 2007. P. 8–26.